

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

И. А. Бунинъ. Собраніе сочиненій. Изд. «Петрополисъ». Берлинъ, 1935 годъ. Томы IX и X.

Десятый томъ зарубежнаго собранія сочиненій И. А. Бунина почин цѣликомъ занятъ «Окаянными Днями». Въ девятомъ же томѣ, въ числѣ другихъ произведеній, напечатаны «записи неизвѣстнаго», «Серпъ и Молотъ», близкіе къ «Окаяннымъ Днямъ» по характеру. Здѣсь разсказъ ведется не отъ имени автора, но это тоже отдѣльныя, какъ будто случайныя, во всякомъ случаѣ отрывочныя замѣтки о томъ, что происходило въ Россіи въ пору, послѣдовавшую за октябрьской революціей.

«Записи неизвѣстнаго», — мнѣ не совсѣмъ ясенъ смыслъ этого литературнаго занятія: какому «неизвѣстному» припишетъ читатель мысли, чувства, форму выраженія нашего знаменитаго писателя? Но нѣкоторая разница въ тонѣ есть между «Серпомъ и Молотомъ» и «Окаянными Днями». Между этими книгами прошло десять лѣтъ (подъ «Серпомъ и Молотомъ» значится 1930 годъ). Болѣе поздняя книга много мягче, добрѣе первой, — слѣдовало бы сказать «примиреннѣе», если-бъ слово это не было такъ истаскано и если-бъ здѣсь оно не могло бы, безъ всякаго основанія, получить политическій смыслъ: едва ли нужно говорить, что за это десятилѣтіе отношеніе Бунина къ большевикамъ не измѣнилось ничуть: нѣсколько измѣнился естественно онъ самъ.

«Времена опять зашли темныя, жестокія, и, думаю, надолго», — говоритъ «неизвѣстный». — «Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотреть. Такъ и Россія: вся наша исторія — шагъ впередъ, два назадъ, къ своему исконному — къ дикому мужицеству, къ разбитому корыту, къ лыковому лапти. Помните? «Было столь загажено въ кремлевскихъ палатахъ колодниками, что темнѣли на иконахъ ризы... Таковыми палатами и стала снова Россія, оправдывающая нынѣ слово Исаака Сирина: «Песь, лижушій пилу, пьетъ собственную кровь и изъ-за сладости крови своей не сознаетъ вреда себѣ»... — «Вижу иногда знаменитаго народовольца: ужасная черная шляпа (ужаснѣе тѣхъ, что валялись прежде только на пустыряхъ, на свалкахъ), рубище солдатской шинели, грязныя, мокрыя опорки, связанные веревкой... Однако очень бодръ, всегда не идетъ, а бѣжитъ, такъ и сверкаетъ очками и младенческой, блаженно-изумленной улыбкой». Когда авторъ записей пытается найти убѣжище въ принадлежавшей ему прежде усадьбѣ, поселившіяся тамъ послѣ революціи бабы рѣшительно отказыва-

ются освободить для него мѣсто, — «и я тотчасъ же понялъ, что и впрямь какъ-то нагло и глупо влѣзъ я въ этотъ домъ, въ эту чужую, уже крѣпко внѣдрившуюся въ него жизнь»... Думаю, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ пору «Окаянныхъ Дней», И. А. Бунинъ не такъ бы или не совсѣмъ такъ бы вспомнилъ древнюю исторію (хоть и въ прежнихъ его книгахъ были намеки на ту же мысль: «шагъ впередъ, два назадъ, къ своему исконному»), не такъ благодушно описалъ бы «знаменитаго народовольца», и безъ такого спокойствія принялъ бы чужую жизнь, крѣпко внѣдрившуюся въ не ей принадлежавшій домъ. Кое-что въ этомъ внѣдреніи объясняется и въ самомъ дѣлѣ «исконнымъ», — достаточно грѣшнымъ не въ одной старой Россіи, а во всемъ мірѣ. Какъ ни законны гнѣвъ, злоба, душевная боль въ «Окаянныхъ Дняхъ» Бунина, — но вѣдь въ другомъ его же произведеніи Яковъ Демидычъ вскользь говорить: «Да я, по совѣсти сказать, за весь вѣкъ только одинъ разъ сытый былъ, когда на бойняхъ у купца въ Ельцѣ служилъ»...

Говорю это лишь къ слову. Ни къ «Окаяннымъ Днямъ», ни тѣмъ болѣе къ «Серпу и Молоту» не должно подходить какъ къ книгамъ чисто-политическимъ. Это вѣдь художественныя произведенія, и есть въ обѣихъ книгахъ страницы, которыя могутъ сравняться съ лучшимъ изъ всего, что написано Бунинымъ. Но въ «Окаянныхъ Дняхъ» сокровища изобразительнаго искусства были разсыпаны въ самыхъ злыхъ и рѣзкихъ главахъ. «Въ саду возлѣ шалаша цѣлое собраніе. Караульщикъ, мужикъ бывалый и изысканно краснорѣчивый, передаетъ слухъ, будто гдѣ-то возлѣ Волги упала изъ облаковъ кобыла въ двадцать верстъ длиною. Обращаясь ко мнѣ: — Вирѣяно, эрунда, баяринъ? — Его пріятель съ упоеніемъ рассказываетъ свое «революціонное» прошлое. Онъ въ 1906 году сидѣлъ въ острогѣ за кражу съ взломомъ — и это его лучшее воспоминаніе, онъ объ этомъ рассказываетъ постоянно, потому что въ острогѣ было: веселѣе всякой свадьбы и харчи отличные. — Онъ рассказываетъ: — Въ тюрьмѣ обнаковенно на верхнемъ этажѣ сидятъ политики, а во второмъ — помощники этимъ политикамъ. Они никого не боятся, эти политики, обкладываютъ матюкомъ самого губернатора, а вечеромъ пѣсни поютъ, мы жертвою пали»... Въ «Серпѣ и Молотѣ» самыя чудесныя страницы встрѣчаются всего чаще въ главахъ совершенно иного тона. «...Возвращаясь съ вечерней прогулки, вошелъ во дворъ монастыря, прелестный краснымъ огонькомъ, горѣвшимъ въ келіи подѣ навѣсомъ деревьевъ монастырскаго сада. Были уже сумерки — полусвѣтъ сѣверной ночи. Во дворѣ было пусто. Золотой ангелъ съ крыши притвора благословлялъ дворъ. Въ притворѣ чернѣли двѣ ясы, бѣлѣли два капюшона. Одна изъ монахинь была молода, лѣтна, тиха. Я попросилъ ее показать, гдѣ на монастырскомъ кладбищѣ могилы самыя древнія. Она достала изъ ниши фонарикъ, зажгла его и повела меня въ полумракъ сада, среди смѣшанныхъ весеннихъ запаховъ — и сладкихъ, и терпкихъ, и какихъ-то водянистыхъ, травяныхъ. Иногда она останавливалась и освѣщала могилы. Въ полусвѣтѣ фонарика выдѣлялся ея бѣлый капюшонъ. Она разыскала старую-старую могильную

плиту, вросшую въ землю особенно глубоко, всю во мху, въ порахъ и углубленіяхъ, суженную къ изножію. Буквы, насѣченные на ней, покрытыя мохомъ совсѣмъ чернымъ, гласили: «Лѣта такого-то (шестисотъ лѣтъ назадъ)... схимонахъ Оерапонтъ... рода Долгорукихъ»... — Вотъ она, истинно-неотразимая, бунинская «химія слова», здѣсь одинаково, думаю, дѣйствующая и на вѣрующихъ, и на невѣрующихъ людей.

Въ девятомъ томѣ собраны преимущественно небольшіе рассказы послѣдняго періода и новаго рода. Только изрѣдка — почти удивляешься, попадая на рассказъ, написанный въ старыхъ формахъ, какъ «Исторія съ Чемоданомъ» или «Грибокъ», напоминающіе по манеру ранняго Чехова. Послѣдній, юмористическій, рассказъ, въ которомъ къ прѣхавшему изъ Москвы въ Петербургъ человѣку является назойливый, говорливый гость, по-чеховски и заканчивается: «Кончается все это тѣмъ, что прѣзкій убиваетъ дѣлопроизводителя изъ Твери кувшиномъ съ умывальника и отдается въ руки правосудія». Но почти все остальное — не только бунинское и неповторимое, но новое для самого Бунина. Во всей книгѣ сказываются поиски новой формы, — поиски, дѣлающіе особую честь писателю, который добился такой высоты, такимъ огромныхъ и исключительныхъ успѣховъ въ старыхъ формахъ искусства. Есть рассказы длиной въ полстраницы, въ нѣсколько строкъ, порою будто чуть не замѣтки изъ записной тетради, — и много среди нихъ совершенныхъ шедевровъ, какъ «Русь», «Ущелье», «Романъ Горбуна», «Обреченный домъ», «Распятіе». Лучшій и даже единственный видъ рецензій о такихъ произведеніяхъ — приводить изъ нихъ выдержки. Почти наудачу выбираю начало рассказа «Слезы» или, точнѣе, первую его половину, ибо въ рассказѣ этомъ шестнадцать строкъ: «Подошла къ воротамъ усадьбы старуха побирушка. Старушечьи лохмотья, старушечьи прямые чулки на сухихъ ногахъ, замученные глаза... Далъ ей полтинникъ, попробовалъ разговориться: — Ну, вотъ ты, бабушка, вездѣ ходишь, вездѣ бываешь, — небось много интереснаго видишь? — Горько заплакала: — Да что-жъ подблаетъ, батюшка, конечно, видишь!»

М. Алдановъ.

Борисъ Зайцевъ. Домъ въ Пасси. Ром. Изд. «Парабола», 1935.

Въ странномъ, необычайномъ для Парижа домѣ, гдѣ у входныхъ дверей квартиры нѣтъ звонковъ, чтобы консьержка по стуку знала, кто къ кому пришелъ, — живутъ странные люди, русскіе эмигранты. Всѣ они связаны между собой и у каждого изъ нихъ своя жизнь, свое горе. Угрюмая, некрасивая дѣвушка Капа безнадежно влюблена въ эмигрантскаго покорителя сердецъ Анатолія Ивановича и отравляется отъ любви. Въ него же влюблена трезвая, положительная массажистка, еврейка Дора. Старый генералъ ждетъ изъ Россіи дочь съ внучкой, но никогда не дожидается. Сынъ Доры, мальчикъ Рафа, ведетъ дружбу съ генераломъ. Къ генералу ходитъ старикъ монахъ, по имени Мельхиседекъ. Выведены многіе другіе люди всякихъ профессій и поло-